

ГЛАВА III.

емного помолчали; Вишъ взглянулъ на нѣмца.

— Къ намъ-то ты пробрался благополучно, а дальше какъ? Куда думаешь ты ѣхать?

— Куда? повторилъ Хенго, какъ будто желая избѣжать вопросовъ Виша, которому не намѣренъ былъ высказать истину.—Куда? Да я самъ и еще хорошенько не знаю. Ты здѣсь на большомъ пространствѣ разсѣлся со своимъ семействомъ; ты здѣсь властелинъ... Я разъ ужъ былъ у тебя и теперь вздумалъ заѣхать къ знакомому. Дальше пустыня; ѣхать, хотя бы и по теченію рѣки, не легко, того и гляди попадешь въ просакъ, а еще хуже натолкнешься на толпу злыхъ людей, которые всегда готовы отнять жизнь у каждаго встрѣчнаго. По мелкимъ лѣснымъ хижинамъ не стоитъ развозить товара, немного пользы изъ этого... но... гдѣ-то здѣсь близко живетъ вашъ князь... Если бы недалеко, я бы поѣхалъ къ нему...

Вишъ сдвинулъ сѣдыя брови, а рукою указалъ по направленію вправо, не говоря ни слова.

— Да, есть у насъ князь... въ городѣ, на озерѣ, и отсюда можно доѣхать къ нему въ одинъ неполный день. Князь! князь! повторилъ Вишъ съ досадою.—Этотъ князь хочетъ распространить свою власть на всѣхъ, онъ всѣ наши земли считаетъ своими, по всѣмъ кнеямъ охотится и со своими вооруженными людьми выдѣлываетъ что только ему на умъ взбредеть... Это жестокий человѣкъ—попасть къ нему въ руки все равно что къ голодному волку въ пасть... но у людей есть разные средства и противъ волковъ.

— Вашъ князь вѣдь не чужой человѣкъ, сказалъ Хенго, помолчавъ немного,—нужно же, чтобъ у народа былъ глава и вождь,—что же бы онъ сдѣлалъ, если бъ враги напали на него?

— Да хранятъ насъ боги отъ нашествія враговъ, проговорилъ старикъ. — Мы знаемъ хорошо, что до тѣхъ поръ наша воля, пока мы живемъ мирно. Придетъ война, за ней явится неволя. А кто воспользуется военною добычею? вѣдь не мы, а нашъ князь и его слуги. Врагъ уничтожитъ наши хаты, уведетъ съ собою скотъ, а князь возьметъ себѣ плѣнныхъ, да и всю добычу. Только и пользы, что дѣти наши погибнуть; а кто положить голову на полѣ брани, тому и могилы не насыпятъ, вороны разнесутъ его тѣло...

Вишъ махнулъ рукою и глубоко вздохнулъ.

— А сильный ли владыка этотъ князь, который живетъ въ городѣ? полюбопытствовалъ Хенго.

— Боги сильнѣе его, проговорилъ Вишъ,—и громада тоже сильна.. Я даю ему оброкъ такой, какой онъ приказываетъ; дальше я и знать его не хочу; ни его, ни цѣлаго ихъ Лешковаго племени.

— Ты у себя господинъ, сказалъ Хенго, желая этимъ смягчить старика.

— Вѣрно, отвѣчалъ Вишъ. — А если бы имъ вздумалось мѣшаться въ мои дѣла, то есть еще незаселенныя земли, я ушелъ бы, какъ уходили мои отцы въ другое мѣсто, гдѣ не знаютъ ни войны, ни рабства. Запахавъ новую границу черными волами, я бы нашелъ себѣ и своимъ новое жилище.

Презрительная, едва замѣтная, улыбка скользнула по губамъ нѣмца, который затѣмъ сказалъ:

— Знаешь что: если бы ты мнѣ указалъ путь, ведущій къ Гоплу, да къ княжесу Столбу—кто знаетъ, пожалуй, я бы пошелъ туда, хочется по-смотреть немного и на княжій мѣръ.

Хозяинъ призадумался.

— Впрочемъ испытай счастье, сказалъ онъ. — Ваши бывали у него, многихъ и теперь у него встрѣтишь. Жена у него изъ нѣмецкой земли, по нѣмецкому обычаю ему хотѣлось бы и нами управлять.

Старикъ поднялся съ камня.

— Солнце еще на небѣ и ноги у тебя крѣпки, сказалъ онъ;—пойдемъ за лѣсъ, на гору, откуда видно далеко; видна и дорога къ княжесу Столбу... Чтожь, хочешь взойти на гору?

Нѣмецъ оставилъ свой лукъ и пращу въ избѣ; онъ колебался, не зная, можно ли съ пустыми руками отправиться въ глубь лѣса.

— Такъ просто? Не имѣя оружія въ рукахъ? спросилъ онъ.

— Я здѣсь на своей землѣ, отвѣчалъ старикъ равнодушно,—меня здѣсь и звѣри не трогаютъ... Другого оружія мнѣ не надо, кромѣ этого рога, продолжалъ Вишъ, вынимая изъ за пазухи небольшой рогъ и показывая его нѣмцу.—Лишь звукъ разнесется по лѣсу—поймутъ.

Они отправились вмѣстѣ. Зеленый лугъ отъ ручья легко поднимался все выше и выше къ лѣсу. Среди засѣкъ старикъ отыскалъ проходъ и тропинку. Черезъ нѣсколько минутъ лѣсная глушь окружала ихъ со всѣхъ сторонъ; здѣсь Вишъ, точно у себя дома, не смотря на то, что не было ни

одной тропинки, шелъ впередъ, не останавливаясь ни на минуту. Хенго слѣдовалъ за нимъ; они оба молчали. Лѣсъ, расположенный по холмистому и крутому пространству, становился все гуще, все темнѣе. Среди листьевъ порхали птицы, которымъ чужіе мѣшали уснуть. Онѣ, казалось, сердились на стараго хозяина, что мѣшаетъ имъ спокойно отдыхать. Синія крылья сивоворонки мигнули передъ ихъ глазами, сорока въ бѣлой юбочкѣ и цѣлый полкъ пернатыхъ обитателей лѣса громко заявляли свое неудовольствіе. Изъ за дерева выглянула лисица и исчезла въ своей норѣ. По вѣтвямъ прыгали бѣлки, такъ ловко перескакивая съ одной вѣтви на другую, что трудно было уловить глазомъ ихъ движенія. Старикъ время отъ времени подымалъ вверхъ голову и осматривалъ борти, которыхъ здѣсь было чрезвычайно много на всѣхъ деревьяхъ; запоздалыя пчелы возвращались съ поля, неся богатую добычу и торопились добраться до своихъ жилищъ раньше, чѣмъ падающая роса успѣетъ отягчить ихъ крылья своими бриліантовыми каплями.

Нѣмцу, не привыкшему къ путешествію пѣшкомъ, трудно было слѣдовать за старикомъ, взбравшимся съ ловкостью молодого охотника на высокій холмъ. Вдругъ лѣсъ сталъ такъ рѣдокъ, что, стоя на полянѣ, заросшей густою травою и состоявшей вершину холма, можно было видѣть всю большую долину, лежавшую у подножія его. Среди поляны возвышалась земляная могила, на которую взошелъ Вишъ, за нимъ послѣдовалъ Хенго. Передъ ними разстилался прелестный видъ, поражающій своею грандіозностью. Здѣсь Вишъ считалъ себя властелиномъ. Хенго стоялъ и глазамъ своимъ не вѣрилъ; онъ былъ пораженъ. Долина, большею частью покрытая густымъ лѣсомъ, купалась въ золотыхъ лучахъ заходящаго солнца; свѣтлые лучи озаряли вершины деревьевъ, скользили по поверхности синеватыхъ водъ озеръ и ручейковъ. Хенго казалось, что вся земля, весь міръ заросъ непроходимымъ лѣсомъ, широкимъ какъ безпредѣльное море и какъ море синѣющимъ вдаль. Точно волны колебались вершины деревьевъ. Среди этой темной зелени елей и сосенъ мѣстами виднѣлись золотистыя пятна озерковъ и группы майской зелени березъ и луговъ, усыянныхъ цвѣтами. Вдали кругъ деревьевъ становился все гуще и темнѣе... Кромѣ отдѣльных верхушекъ гигантовъ—лѣсъ казался длинной синей полосой. Шумъ этого лѣса едва долеталъ до ушей нашихъ спутниковъ... Только въ двухъ мѣстахъ подымались два синіе столба дыма. Вѣтеръ утихъ совершенно. По всему пространству разстилалась надъ землею длинными поясами вечерняя роса.

Вишъ указалъ рукою въ правую сторону...

— Тамъ. Къ концу дня верхомъ туда легко доѣхать. Слѣдуй все по теченію рѣки, а пройдя всѣ впадающіе въ нее ручьи, переѣзжай ее въ бродъ и...

Вишъ остановился. До его ушей, привыкшихъ различать самый отдаленный звукъ, долетѣлъ какой-то шорохъ. Онъ опустил голову и прислушивался. Хенго тоже слышалъ какой-то глухой топотъ, который приближался съ каждою минутою... На лицѣ Виша выразилось неудовольствіе; онъ еще разъ указалъ рукою и спросилъ:

— Понимаешь? а теперь, добавилъ онъ, — уйдемъ отсюда. Боюсь не вызвали ли мы волка изъ лѣсу... Слышу топотъ вдали. Вѣрно это скачутъ княжескіе слуги, голодная толпа, которая никогда не отойдетъ съ пустыми руками. Зачѣмъ они ѣдутъ? Куда? Да къ кому же, если не къ старому Вишу, у котораго всегда найдется старый медъ.

Старикъ, не обращая вниманія на нѣмца, возвращался тѣмъ же путемъ, которымъ они прошли до самой вершины холма. Но теперь старикъ шелъ гораздо скорѣе и, пройдя лѣсъ, спускался вдоль по долині... Здѣсь на берегу рѣки они замѣтили пять всадниковъ. Впереди скакалъ начальникъ, за нимъ по двое въ рядъ четыре его спутника. Не трудно было догадаться, что скакавшій впереди старше всѣхъ. Одежда его и лошадь болѣе красивыя, чѣмъ у остальныхъ, позволяли догадываться, что это княжескій слуга. Это былъ широкоплечій мужчина, длинные волосы закрывали его лицо и спадали на плечи. На головѣ онъ имѣлъ круглую шапку, украшенную бѣлымъ перомъ; одежда его изъ свѣтлаго сукна была обшита красною лентою; большой мечъ, лукъ и большой мѣшокъ со стрѣлами составляли его оружіе. Ёдущіе за нимъ держали въ рукахъ топоры, на плечахъ у нихъ висѣли луки и пращи. Каждый изъ слугъ былъ обвѣшанъ сумками... Вишъ, увидѣвъ всадниковъ, нахмурился точно ненастная ночь; онъ схватилъ рогъ и три раза затрубилъ, давая знать такимъ образомъ своимъ о приближеніи всадниковъ.

Когда звукъ рога раздался въ воздухѣ всадники прибавили шагъ; они осматривались по сторонамъ, желая узнать кто трубилъ. Впрочемъ Вишъ и не желалъ скрываться; напротивъ, онъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу.

— Эхъ! проклятыя змѣи! ворчалъ Вишъ,—ненасытные драконы. Княжескіе слуги, чтобъ имъ громъ ободралъ кожу! Тебѣ это на руку, продолжалъ Вишъ, оборачиваясь къ нѣмцу, — потому что тебя и твои суммы они охотно возьмутъ съ собою, но для меня...

Хенго старался придать своему лицу равнодушное выраженіе; онъ не желалъ выказать своихъ чувствъ Вишу.

— Если мнѣ будетъ угрожать что нибудь нехорошее, сказалъ онъ, — надѣюсь, что гостепріимство заставитъ тебя вступить за меня.

— Да, если мнѣ самому удастся отъ нихъ отдѣлаться, сказалъ Вишъ.— Ихъ всего пять человѣкъ, это не много, мои парни въ мигъ сѣмъли бы связать ихъ, но у княжаго Столба найдется ихъ въдесятеро больше для того, чтобы отомстить мнѣ.

Княжескій слуга Смерда, ѣхавшій впереди, увидѣвъ Виша и догадываясь, а можетъ быть узнавъ въ немъ хозяина, остановилъ лошадь. Смерда, какъ и его товарищи, разглядывали не столько Виша, сколько нѣмца. Они видѣли въ немъ чужого, а чужой былъ для нихъ теперь находкой.

Вишъ поклонился Смердѣ, но тотъ не отвѣтилъ на его поклонъ. Хенго тоже поклонился; онъ поблѣднѣлъ, чувствуя, что глаза всадниковъ испытующимъ взглядомъ окидываютъ его.

— Кого это ведешь съ собою, старый? кричалъ Смерда.—Чужой? Откуда?

Четыре всадника окружили Хенго со всѣхъ сторонъ.

— Я живу на Лабѣ, торговецъ, человѣкъ спокойный—не чужой, сказалъ Хенго, принимая болѣе увѣренный видъ;—я не чужой, потому что мнѣ не впервые приходится быть здѣсь съ товаромъ... меня свободно пускаютъ...

— Знаемъ мы этихъ спокойныхъ людей! крикнулъ Смерда, смѣясь,—знаемъ мы ихъ... А кто знаетъ, зачѣмъ вы высматриваете наши земли, зачѣмъ вамъ знать дороги, ведущія къ намъ? Зачѣмъ вы узнаете, гдѣ можно пройти рѣку въ бродъ, зачѣмъ нарѣзываете знаки на деревьяхъ? Это все для того, чтобы потомъ привести другихъ.

— Это смирный человѣкъ, проговорилъ Вишъ;—оставьте его въ покоѣ. Я съ нимъ хлѣбъ ломалъ.

— А мнѣ какое дѣло? возразилъ Смерда. — Князь строго запретилъ пускать чужихъ. Онъ пойдетъ съ нами.

— Я готовъ идти съ вами хоть сейчасъ и пойду по доброй волѣ, милостивый воинъ, сказалъ Хенго;—а когда я упаду на колѣни передъ княземъ, онъ отпуститъ меня, потому что онъ справедливый властелинъ. Я пріѣхалъ съ моимъ сыномъ-подросткомъ, насъ всего двое.. что же я могу сдѣлать такому могучему князю?

— Свяжите ему руки! крикнулъ Смерда, обращаясь къ слугамъ, — а тамъ мы увидимъ!

Едва Смерда успѣлъ высказать свое приказаніе, двое слугъ подскочило къ нѣмцу и связали ему руки. Смерда направился къ хижинѣ Виша.

У забора стояли сыновья и работники; въ воротахъ дожидалась старуха Яга, съ такою же старою служанкою, но не было видно ни одной изъ молодыхъ женщинъ. По знаку, данному Вишемъ, всѣ молодыя женщины спрятались въ избы или ушли въ лѣсъ, чтобы не встрѣчаться съ чужими нахальными людьми. Лицо стараго Виша повеселѣло, когда онъ замѣтилъ, что на дворѣ не видно ни дочерей его, ни невѣстокъ.

Смерда у воротъ соскочилъ съ лошади; его слуги сдѣлали тоже; двое изъ нихъ вели Хенго, которому связали обѣ руки. Они смѣялись надъ нимъ, толкая его и не щадя пинковъ и ударовъ. Лошадей отвели въ сарай, а сами всадники направилась въ избу. На порогѣ стояла Яга и, съ низкимъ поклономъ, поздравляя прибывшихъ, приглашала ихъ войти въ избу. Вишъ шелъ за ними; онъ молчалъ и хмурился. Когда чужіе вошли въ избу, она наполнилась шумомъ и крикомъ. Смерда занялъ на скамьѣ у стола первое, хозяйское мѣсто. Незваные гости начали кричать во все горло, чтобы имъ подали пива и меду; парни принесли тотчасъ же и то и другое, желая избавиться отъ криковъ и ругани посѣтителей. Хозяинъ, не говоря ни слова, сѣлъ на скамьѣ, вдали отъ шумѣвшихъ княжескихъ слугъ.

— Ну, старый хозяинъ, сказалъ Смерда,—ты вѣрно догадываешься, зачѣмъ мы пріѣхали къ тебѣ... Съ тебя слѣдуетъ князю оброкъ.

— А развѣ давно я отдалъ его? произнесъ Вишъ угрюмо.

— Не думаешь ли ты считаться съ нами? Кметъ съ княземъ! засмѣялся Смерда.

— Да, кметъ съ княземъ, потому что здѣсь, на своей землѣ, я князь, сказалъ Вишъ. — Вы готовы кожу съ насъ драть подъ предлогомъ нашей защиты.

Смерда хотѣлъ было засмѣяться, но когда посмотрѣлъ на стараго, принявшаго гордый видъ, у него отпала охота; онъ сталъ гораздо ласковѣе.

— Пейте, и да будетъ вамъ на здоровье, какъ я желаю, продолжалъ старикъ, — а затѣмъ мы поговоримъ о дѣлѣ.

Княжескій слуга, подумавъ немного, понялъ, что здѣсь лучше и безопаснѣе не пускать въ ходъ насмѣшекъ и принялся за пиво. Его товарищи черпали пиво горшками и пили молча. Хенго со связанными руками стоялъ у двери. Смерда, напившись вдоволь, обратился къ нѣмцу:

— Гдѣ твои лошади и сумы?

— Онѣ будутъ завтра вмѣстѣ со мною у князя, отвѣчалъ Хенго; — я прошу оставить меня въ покоѣ.

— Сдѣлаю съ тобою что мнѣ вздумается! воскликнулъ Смерда.

Вишъ хотѣлъ уже вступить за чужого, но нѣмецъ быстро подошелъ къ Смердѣ, наклонился къ нему и началъ шептать ему что-то на ухо. На его лицѣ не было замѣтно испуга... Видно угрозы Смерды не оказывали своего дѣйствія. Во все время, когда Хенго говорилъ, лицо Смерды морщилось, измѣнялось и наконецъ совсѣмъ повеселѣло. Онъ искоса посмотрѣлъ на нѣмца, встряхнулъ головою и, обращаясь къ своимъ людямъ, сказалъ:

— Развязать ему руки, завтра онъ отправится съ нами въ городъ; князь скажетъ что съ нимъ дѣлать.

Хенго, освободившись отъ связывавшихъ его руки веревокъ, съ опущенною на грудь головою, сѣлъ въ углу. Смерда, не думая болѣе о пойманномъ нѣмцѣ, обратился къ Ягѣ:

— Э, старуха-мать, сказалъ онъ весело, — а гдѣ же твои невѣстки и дочери? Мы бы охотно поглядѣли на нихъ—у нихъ гладкія личики!

— Вы не увидите ихъ, сказалъ Вишъ.—Какое у васъ къ нимъ дѣло?

Яга же отвѣтила на вопросъ:

— Съ утра ихъ нѣтъ дома. Онѣ всѣ ушли въ лѣсъ за грибами, за рыжиками; пожалуй, не вернутся раньше завтрашняго дня.

— Въ лѣсъ! засмѣялся Смерда, которому вторили слуги, повеселѣвшіе отъ пива и меду.—Ой, жаль, что мы не встрѣтили ихъ на пути. По крайней мѣрѣ было бы съ кѣмъ повеселиться, хотя бы и до слѣдующаго утра.

Вишъ грозно посмотрѣлъ на Смерду, у котораго пропала улыбка и слова замерли на губахъ отъ этого взгляда.

— Счастье ваше, что за такую забавою не застали васъ ихъ отецъ и братья, сказалъ Вишъ:—а то вамъ пришлось бы навсегда остаться въ лѣсу; только волки да вороны знали бы, что съ вами случилось.

Медленно, угрюмо высказалъ это Вишъ. Смерда нахмурился. Его товарищи суетились около пива, онъ тоже подошелъ къ нимъ. Между тѣмъ, по данному знаку, сыновья Виша подошли ближе къ столу, къ нимъ приблизилась и Яга, а старикъ хозяинъ сначала поправилъ дрова въ печи, потомъ

направился къ двери, напился воды изъ ведра, стоявшаго у порога... Здѣсь сидѣлъ Хенго. Вишь рукою далъ ему знать, чтобы онъ вышелъ на дворъ... Хенго исполнилъ желаніе Виша, и они оба вышли въ сѣни.

Старикъ, молча, указалъ своему гостю рукою на двери и на ворота въ заборѣ, давая ему такимъ образомъ знать, чтобы немедленно уходилъ, но нѣмецъ шепнулъ ему на ухо:

— Я ихъ не боюсь; они мнѣ ничего не могутъ сдѣлать, а съ ними легче доѣхать къ княжескому Столбу. Только я не возьму съ собою всего товара, чтобы напрасно не таскать тяжелыхъ мѣховъ.

Вишь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Хенго.

— Отчего же ты не хочешь уйти? Я не желаю, чтобы подъ моей кровлею съ тобою случилось несчастье.

Хенго улыбнулся.

— Да я ихъ не боюсь; они только пугаютъ, объяснялъ онъ,—я съумѣю съ ними сладить... откупиться отъ нихъ не трудно... Не безпокойся, позволь только оставить у тебя одну изъ моихъ сумокъ.

Вишь молча согласился на эту просьбу, а нѣмецъ сейчасъ же направился къ сараю, откуда, нѣсколько времени спустя, работникъ вынесъ большую суму и спряталъ ее въ избѣ. Хенго, поблагодаривъ хозяина, вернулся въ избу и сѣлъ на прежнемъ мѣстѣ у дверей. Никто не обратилъ вниманія на его отсутствіе.

Въ избѣ весело разговаривали и хохотали. Смерда, болтая съ старухой, смѣялся во все горло, а слуги вторили ему усердно. Они продолжали пить и смѣяться до глубокой ночи; тогда одинъ изъ работниковъ принесъ лучины, воткнулъ ихъ между щелями и зажегъ: лучины освѣтили комнату. Замѣтивъ свѣтъ, Смерда оглядѣлся по сторонамъ, отыскивая глазами хозяина.

— Гдѣ же хозяинъ? крикнулъ онъ.

Вишь стоялъ у порога; Яга толкнула его — старикъ неохотно вошелъ въ избу. Видно было, что пріѣзжіе пришли къ нему не по вкусу. Смерда подошелъ къ нему, сдѣлалъ ему знакъ рукою и они оба вмѣстѣ вышли изъ дверей во дворъ.

— Я пріѣхалъ къ тебѣ по приказанію князя; ѣду съ такимъ же приказаніемъ и къ другимъ кметамъ и жупанамъ, сказалъ Смерда: — князь посылаетъ вамъ поздравленіе.

Старикъ поклонился и провелъ рукою по волосамъ: онъ видимо не былъ доволенъ вниманіемъ князя.

— Поздравленіе—княжеская милость, замѣтилъ онъ,—но, должно быть, дѣло не въ немъ. Когда князь поздравляетъ, это значитъ, что онъ чего нибудь требуетъ; иначе онъ и не подумалъ бы о существованіи кмета.

Смерда моргалъ глазами, сдвигая брови.

— У насъ большой недостатокъ въ людяхъ, сказалъ Смерда; — ты долженъ дать кого-нибудь изъ своихъ, чтобы пополнить княжескую дружину. Она вѣдь и тебя и твою землю обороняетъ.

— Что-же? Развѣ вы собираетесь воевать?

Слованъ ударилъ по струнамъ (стр. 44).

— Мы-то и не думаемъ, но въ городѣ надо всегда быть готовымъ на случай защиты, объяснилъ Смерда. — Двое изъ нашихъ умерло отъ моровой язвы, одного звѣрь разорвалъ въ лѣсу; князь также убилъ одного... Намъ и нужны люди... У насъ въ городѣ отлично. Дружина голода не знаетъ; каждый ѣстъ волю вмѣстѣ съ княжескими собаками и по цѣлымъ днямъ ничего не дѣлаетъ. Пива сколько угодно. Въ случаѣ войны каждому что нибудъ перепадетъ изъ добычи.

— Если онъ не попадаетъ въ плѣнъ, сказалъ Вишъ.

— Если не двоихъ, такъ ужъ одного придется тебѣ отдать, заключилъ Смерда.

— А если и одного не дамъ?

Смерда не ожидалъ такого вопроса: онъ задумался.

— Тогда я на веревкѣ поведу тебя къ князю, сказалъ онъ рѣшительно.

— Хотя я свободный кметъ? спросилъ Вишъ.

— А мнѣ какое дѣло! Князь велѣлъ.

— Да, да! сказалъ Вишъ, хмурясь. — Новые обычаи, новыя порядки завелись у насъ. Смотрите, какъ бы васъ самихъ кметы не потащили на веревкахъ, когда имъ все это надоѣстъ.

Смерда помолчалъ, потомъ сказалъ:

— Не сопротивляйся княжеской волѣ. Князь теперь злится точно дикій звѣрь. Случается задремлетъ онъ и, вдругъ проснувшись, скрежещетъ зубами и точно волкъ завываетъ. Онъ грозитъ кметамъ. Двоихъ не надо; дай хотя одного парня и кожу для меня, а то моя шуба вся истрепалась на службѣ.

Вишъ задумался и долго стоялъ на дворѣ, не отвѣчая Смердѣ. Наконецъ пригласилъ его войти въ избу. Старикъ сѣлъ на скамьѣ, онъ держалъ палку обѣими руками, положивъ на нихъ голову и водилъ глазами по своимъ парнямъ, какъ бы искалъ въ ихъ средѣ жертвы.

— Эй, Самборъ, крикнулъ онъ наконецъ, — поди-ка сюда.

Самборъ стоялъ съ княжескими слугами и весело болталъ съ ними. На зовъ старика онъ выпрямился и подошелъ къ нему.

— Тебѣ, братъ, полевая работа не по вкусу; домашнія хлопоты ты тоже не особенно долюбишь, сказалъ старикъ Самбору; — ты охотнѣе поешь, да безъ дѣла сидишь, чѣмъ работаешь... Ты какъ разъ годишься для городской жизни; припоясать мечъ, да бѣлое перо заткнуть за шапку и выказывать свою красу передъ женщинами, — это какъ разъ по тебѣ. Я и рѣшилъ, что ты охотно пойдешь служить князю.

Самборъ, лицо котораго недавно еще весело смѣялось, услышавъ обращенныя къ нему слова Виша, поблѣднѣлъ какъ холстъ. Безпокойнымъ взоромъ онъ окинулъ всѣхъ сидящихъ на скамьѣ, замѣтилъ съ какимъ любопытствомъ Смерда слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ и упалъ на колѣни.

— Эхъ! отецъ, господинъ мой, вскричалъ онъ, — за что же ты меня хочешь отдать въ плѣнъ, въ тяжелую неволю?

— Какая неволя? замѣтилъ Смерда; — ты будешь воиномъ. У князя

лучше, чѣмъ здѣсь, а если понравившись князю, кто знаетъ что изъ тебя выйдетъ.

Вишъ гладилъ Самбора рукою по головѣ.

— Одинъ долженъ идти за всѣхъ, сказалъ Вишъ, — твоя очередь, Самборъ.

Старуха Яга, стоявшая около Виша, заложила руки отъ отчаянія; хотя Самборъ не былъ ея сыномъ, но онъ воспитывался у нихъ и они любили его, какъ родного сына...

Другіе парни, испуганные словами Виша, отошли въ сторону; веселый смѣхъ умолкъ. Смерда положилъ свою широкую руку на плечо Самбору, какъ бы желая взять его въ свою собственность.

— Ну, пойдешь съ нами, сказалъ онъ.

Самборъ поднялъ глаза на Виша, не зная что ему дѣлать, что отвѣчать Смердѣ. Вишъ посмотрѣлъ на него; глаза старика высказали ему что-то такое, что только они вдвоемъ поняли. Самборъ успокоился и всталъ: онъ молчалъ; онъ видимо былъ огорченъ своею судьбою, но не жаловался на нее.

Если бы кто нибудь вздумалъ вслушаться въ звуки, раздавшіеся внутри хижины, послѣ того, какъ Яга вышла изъ избы, — тотъ навѣрное догадался бы, что всѣ женщины оплакивали несчастнаго Самбора. Ни одна изъ нихъ однако не посмѣла рыдать вслухъ, чтобы чужіе не узнали женскихъ голосовъ и не догадались, что дѣвушки скрывались отъ нихъ. Яга подала ужинъ Смердѣ и прибывшимъ съ нимъ княжескимъ слугамъ, которые высушивъ до дна всѣ кувшины съ пивомъ и медомъ, по приглашенію хозяина, отправились въ большой сарай, гдѣ уже было приготовлено сѣно для ночлега. Тутъ же стояли и лошади пѣмца. Хенго пользовался теперь полною свободою; обѣимъ теперь и не думали. Не смотря на это онъ не уходилъ: онъ почевалъ вмѣстѣ съ Гердою при своихъ лошадяхъ.

Вишъ и Самборъ остались одни на дворѣ. Молодой человѣкъ хотѣлъ что-то сказать своему хозяину, но Вишъ далъ ему знакъ рукою, чтобы онъ молчалъ и слѣдовалъ за нимъ. Они вышли черезъ ворота и остановились на берегу рѣки. Старикъ сѣлъ и долго думалъ о чемъ-то, не говоря ни слова. Мѣсяцъ отражалъ свой блѣдный образъ въ рѣкѣ. Соловьи пѣли.

— Не плачь, Самборъ, и не унывай, началъ Вишъ, — никто не можетъ знать впередъ, какая участь назначена ему судьбою. Они захотѣли взять одного изъ васъ, но я и безъ этого намѣревался послать кого-нибудь, потому что мнѣ и нашимъ это необходимо.

— За что же меня ты высылаешь изъ дому? едва слышно спросилъ Самборъ.

— Потому что ты умнѣе другихъ, пояснилъ Вишъ; — потому что у тебя есть и языкъ, и глаза, ты любишь насъ больше другихъ, да и я полагаюсь на тебя и люблю тебя. Хотя ты мнѣ чужой, но я считаю тебя своимъ сыномъ. Я послалъ бы одного изъ моихъ сыновей, но они оба земледѣльцы и работники, притомъ охотники и умѣютъ ходить за пчелами; а ты любишь пѣніе, но умѣешь думать...

Старикъ остановился, прислушиваясь къ вечерней пѣснѣ дѣсовъ и рѣки, а затѣмъ продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Помни, Самборъ, я посылаю тебя не на гибель, а потому что такъ необходимо. У насъ приготовляются важныя дѣла, князь хочетъ водить насъ за носъ, сдѣлать насъ своими рабами и постричь насъ въ нѣмцы... Онъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нѣмцами.. Все это становится намъ не въ терпѣжь. Мы ничего не знаемъ, что они тамъ дѣлають, и можемъ внезапно превратиться въ рабовъ. Ты иди къ нимъ, смотри въ оба, слушай, внимай всему. Мы должны знать все, что у нихъ происходитъ. За этимъ-то я тебя и посылаю. Ротъ закрой, а глаза держи открытыми; кланяйся и прислуживай; а объ насъ никогда не забывай. Иногда прійдетъ кто-нибудь изъ нашихъ, ты ему и расскажешь объ всемъ, что услышишь и увидишь. Пора ужъ, пора; одно изъ двухъ: или Лешки насъ спутають, или мы ихъ сотремъ съ лица земли. А пока... цыц!

Старикъ закрылъ ротъ пальцами. Самборъ подошелъ къ нему и обнялъ его колѣни.

— Ахъ! сказалъ онъ, — тяжело оставлять васъ и идти къ чужимъ. Я надѣялся и жить и умереть въ твоёмъ домѣ...

— Не на вѣчныя же времена идешь ты къ нимъ, прервалъ его Вишъ. — Когда настанетъ удобное время, я извѣщу тебя и ты вернешься. Многому ты тамъ научишься, многое увидишь, узнаешь; они передъ тобою не будутъ скрываться. На Купалу, на Коляду отпустятъ тебя домой, а до княжескаго столба не очень далеко!

Вишъ провелъ рукою по волосамъ Самбора. Не смотря, однакожь, на обѣщанія и утѣшенія старика, молодому парню казалось, что большой камень придавливаетъ его.

— Отецъ мой, шепталъ онъ: — все, что прикажешь, я исполню. Но здѣсь у васъ я былъ на свободѣ, а тамъ ждутъ меня неволя и угрозы. Здѣсь передъ тобою все мы твои дѣти, у нихъ—рабы. Горекъ хлѣбъ, который даютъ въ неволѣ.

Вишъ точно не хотѣлъ слушать этихъ жалобъ; онъ не отвѣтилъ на нихъ ни слова.

— Смотри и учись, повторялъ онъ;—запомни все. Намъ приготовляютъ тамъ неволю; если теперь мы не подумаемъ о себѣ, послѣ намъ придется горько плакать. А кто изъ насъ знаетъ, что жарится и варится въ ихъ волчьей ямѣ? Ни одинъ кметъ не имѣетъ тамъ своего человѣка. Я и посылаю князю твои глаза вмѣсто своихъ. Князь—ужасный звѣрь, но онъ любитъ поклонны, ну и кланяйся, попадешь въ милость у него, а тогда передъ тобою уже не будутъ скрываться. Они съ пьяна — а пьютъ они много — выскажутъ все: пиво развязываетъ языкъ.

Старикъ говорилъ все тише, время отъ времени ударяя молодого человѣка по плечу. Самборъ стоялъ съ поникшею головою. Луна уже успѣла выплыть высоко на небѣ, когда они разошлись послѣ длиннаго разговора. Самборъ долго еще стоялъ на дворѣ. Собаки подошли къ нему, весело вилая

хвостами. Онъ прислушивался къ пѣснѣ соловья, кваканью лягушекъ и шепоту луговъ, какъ бы желая заучить каждый звукъ, каждый переливъ соловьиного голоса, которые не скоро надѣялся услышать.

Думы отгоняли сонъ отъ него — онъ сѣлъ на большой колодѣ и здѣсь, не сомкнувъ глазъ ни на минуту, просидѣлъ до слѣдующаго утра.

Въ избахъ начали суетиться женщины. Самборъ всталъ и направился къ воротамъ, ведущимъ въ поле. Яга вышла ему на встрѣчу.

— Милый ты мой, голубчикъ мой, не бойся, не унывай — вернешься, говорила Яга, хотя слезы лились изъ ея глазъ.

Въ эту минуту въ полуоткрытыхъ дверяхъ избы показалась Дива. Она заплетала свои косы, глядя задумчиво куда-то вдаль. Увидѣвъ Самбора, Дива улыбнулась.

— Что съ тобою, Самборъ? Почему ты такой печальный? спросила она спокойнымъ, но какимъ-то пѣвучимъ, протяжнымъ голосомъ. — Что съ тобою? Не стыдно ли тебѣ имѣть страхъ въ сердцѣ, а слезы на глазахъ? Не каждому суждено сидѣть въ избѣ и отдыхать; разное бываетъ, судьба не одна для всѣхъ. Нечего плакаться на свою судьбу! Я иногда вижу далеко, далеко... иногда и предскажу что будетъ завтра... Тебѣ тамъ ничего не сдѣлають, вѣрь мнѣ.

— Жаль мнѣ бросать васъ, сказалъ Самборъ: — скучно тамъ будетъ.

— И мы о тебѣ будемъ скучать, проговорила Яга.

— И мы о тебѣ, повторила Дива. — Но ты скоро вернешься.

— Когда? спросилъ Самборъ.

Дива опустила руки, глаза вперила въ землю; она имѣла теперь торжественный видъ и начала говорить, не подымая глазъ на Самбора:

— Вернешься, вернешься, когда надъ Гопломъ покажется зарево, трупы поплывутъ по озеру. Князь оставитъ старый лѣсъ, наступитъ новое управленіе. Когда вѣтеръ разнесетъ пепель; когда вороны насытятся; когда всѣ пчелы соберутся; когда новый срубъ поставятъ на Ледницѣ, на озерѣ, ты вернешься цѣлъ и невредимъ съ свѣтлымъ мечемъ, съ свѣтлымъ челомъ.

Дива за каждымъ словомъ понижала голосъ, наконецъ совсѣмъ замолкла. Она подняла глаза на Самбора и обѣими руками послала ему прощаніе. Дива улыбалась свѣтлою, полною надежды улыбкою. Вдругъ, какъ бы опомнившись, она вбѣжала въ избу, затворяя за собою двери.

ГЛАВА IX.

остоянные жители и пришлые, вочевавшіе въ жилищѣ Виша, очень рано утромъ пробудились отъ сна; въ избахъ и сараяхъ началось движеніе. Парни выгоняли скотъ, женщины отправились за водою. Смерда и его слуги тоже проснулись. Хенго отправилъ своего сына съ лошадьми къ рѣкѣ; служанки разводили огонь. Вишъ, накинувъ на плечи сермягу, вышелъ во дворъ посмотреть, что обѣщаль начинающійся день: хорошую погоду или ненастье.

Небо было покрыто сѣрымъ покровомъ, который только на востокѣ краснѣлъ и разгорался; хотя вѣтру на землѣ не было, но облака высоко клубились, вспучивались и, точно желая обогнать другъ друга, неслись куда-то на западъ. Надъ болотами недвижно висѣлъ въ воздухѣ густой туманъ, подобный сплывшемуся облаку. Капли росы, точно прозрачныя стеклянныя слезинки свѣтились на травѣ и листьяхъ. Въ сараѣ блеяли овцы, на лугу ржали лошади, рѣка журчала, протекая по камнямъ, а соловей все еще пѣлъ свою пѣсню, не уставая ни на минуту. Два ворона прилетѣли съ запада, покружились надъ избою Виша и лѣниво полетѣли дальше... Старикъ посмотрѣлъ на нихъ и печально кивнулъ головою.

Служанки принесли изъ сарая парное кобылье молоко въ большомъ горшкѣ и поставили его на столѣ, на которомъ Яга уже приготовила пиво и медъ. Тутъ же былъ и хлѣбъ, и лепешки для гостей, которые не должны были выѣхать изъ дома, не подкрѣпивъ силъ своихъ на дорогу. На скамьѣ Вишъ разложилъ медвѣжью кожу. Онъ, конечно, охотнѣе оставилъ бы ее у себя, но нельзя было отказать Смердѣ, который на зло всегда могъ жаловаться князю на Виша и его семью.

Самборъ приготовилъ свой узелокъ, натянулъ на ноги кожаные сапоги и крѣпко завязалъ ихъ. Пращу и лукъ онъ заложилъ себѣ за плечи, воткнулъ топоръ за поясъ и былъ готовъ отправиться въ путь. Не весело было

у него на душѣ. Онъ старался утѣшить себя надеждою, что, скитаясь по бѣлу свѣту, увидить и услышитъ въ одинъ день болѣе, чѣмъ дома во всю жизнь. А все таки ему жаль было бросать своихъ и онъ не могъ отвести глазъ отъ хижины Виша, сараевъ, избъ сыновей старика; но кромѣ старой Яги, вынесшей ему калачъ на дорогу, Самборъ больше никого не увидѣлъ изъ женщинъ. Только парни прощались съ нимъ, вѣшаясь ему на шею.

Смерда со своими людьми, Хенго и старый Вишъ собрались около огня. Всѣ торопились ѣхать, такъ какъ были увѣрены, что пойдетъ дождь... Грозныя тучи дѣйствительно угрожали цѣлыми потоками воды. Только одинъ Вишъ твердо держался убѣжденія, что небо прояснится.

Нѣмецъ нисколько не былъ озабоченъ тѣмъ, что Смерда захватилъ его и везетъ съ собою въ княжескій градъ. Онъ собирался спокойно, точно по доброй волѣ, хотя глаза княжеской челяди съ жадностью осматривали его сумы, желая угадать, что въ нихъ содержится. Герда же не выговорилъ еще ни одного слова, на лицѣ его былъ написанъ испугъ. Всѣ надъ нимъ смѣялись, указывая на него пальцами: «Нѣмой!!»

Наѣвшись и напившись до сыта, всѣ отправились къ лошадямъ. Самборъ упалъ на колѣни передъ старикомъ, но Вишъ не сказалъ ему ни слова. Лошади у Самбора не было, а потому онъ долженъ былъ отправиться въ путь пѣшкомъ.

Смерда ѣхалъ впереди, за нимъ его четыре спутника, рядомъ съ ними шелъ новобранецъ съ опущенною на грудь головою, а за ними Хенго съ Гердою. Въ такомъ порядкѣ, простившись съ хозяиномъ, Смерда со своимъ отрядомъ выѣхалъ за ворота и пустился въ путь по берегу рѣки. Нѣсколько времени спустя они исчезли въ зелени прибрежныхъ кустовъ. Самборъ оглянулся, но изъ всего, что было ему дорого, увидѣлъ только синій столбъ дыма, поднимавшійся къ небу надъ роднымъ селеніемъ.

Какъ предсказалъ Вишъ, такъ и случилось: мелкій дождикъ прошелъ скоро, въ воздухѣ разлился запахъ березы, ясное небо выглянуло изъ за тучъ, разбѣжавшихся во всѣ стороны. Путешественники молча подвигались впередъ. Лошади, не смотря на то, что не было видно никакихъ слѣдовъ, сами прокладывали себѣ дорогу.

Смерда дремалъ на лошади, дремали и его товарищи, только Хенго и Самборъ не спали. По правой сторонѣ возвышался угрюмый, черный лѣсъ, съ лѣвой протекала рѣка, изрѣдка только ручей выплывалъ изъ лѣсу и торопился соединиться съ рѣкою. Добрую четверть дня проѣхали наши путешественники, а окрестность не измѣнялась: все тотъ же лѣсъ съ одной, рѣка съ другой стороны... Наконецъ около полудня они увидѣли на небольшомъ холмикѣ громадный камень, окруженный множествомъ меньшихъ, разставленныхъ точно воины на часахъ. Нѣкоторые изъ камней совсѣмъ углубились въ землю, другіе одѣлись сѣрымъ мохомъ... Старый, сгорбленный челоуѣкъ, съ бѣлою палкой въ рукахъ ходилъ около камня. Мѣсто это когда-то было священнымъ: здѣсь приносили жертвы богамъ. Старикъ остановился у большого камня, протянулъ надъ нимъ обѣ руки, пробормоталъ что-то и

бросилъ какіе-то листья. Немного дальше, у самого берега рѣки, была насыпана могила, вся заросшая травой, а внизу покрытая толстымъ слоемъ сухихъ и зеленыхъ еще вѣтвей. Каждый изъ всадниковъ сорвалъ вѣтвь и бросилъ на могилу, Самборъ сдѣлалъ тоже. Одинъ Хенго, хотя съ любопытствомъ посмотрѣлъ на могилу, воздержался отъ принесенія жертвы.

— Что это такое? спросилъ Хенго.

— Это Лешкова могила, отвѣчалъ Самборъ.— Здѣсь старый князь, защищая нашу землю отъ врага, былъ убитъ стрѣлою. Тогда наши воины бросились на непріятеля и разбили его на голову. Затѣмъ, бросая каждый по горсти землѣ, насыпали своему князю вотъ эту могилу. Говорятъ, въ могилѣ хранятся большія сокровища, но ихъ стерегутъ духи. Только одинъ разъ въ годъ, на Купалу, могила сама открывается и каждый, кто желаетъ, можетъ входить въ нее за сокровищами и брать ихъ сколько хочетъ; но надо торопиться, потому что когда пропоетъ пѣтухъ, могила закрывается. Не одинъ смѣльчакъ уже остался въ ней.

Самборъ радъ былъ чѣмъ нибудь занять свои мысли, которыя точно громовыя тучи носились въ бѣдной головѣ его, наполняя душу нестерпимою тоскою. Онъ разсказалъ Хенго, какъ однажды какой-то парень, изъ жаждущихъ пріобрѣсти легкимъ трудомъ сокровища, отправился въ купалову ночь въ могилу, какія видѣлъ онъ тамъ громадныя зданія, избы, наполненныя золотомъ, какъ онъ шелъ все дальше и дальше, не будучи въ состояніи остановиться отъ удивленія. Такимъ образомъ, жадный парень такъ далеко забрелъ, что когда пѣтухъ крикнулъ первый разъ и могила закрылась, онъ изъ нея не могъ уже выйти. Цѣлый годъ онъ пробылъ тамъ. На слѣдующій годъ, когда могила открылась, онъ вышелъ изъ нея живъ и здоровъ, но нѣмой, потому что духи закрыли ему ротъ навсегда, чтобы онъ не разсказалъ всего, что видѣлъ.

Теперь наши путешественники проѣзжали по мѣстности болѣе населенной: по обѣимъ сторонамъ въ зеленыхъ рощахъ видны были хижины, изъ которыхъ выходили струи дыма и кружились подъ деревьями. На берегу рѣки во многихъ мѣстахъ виднѣлись остатки костровъ и слѣды лошадиныхъ копытъ. Мѣстами валялись бѣлые кости. Въ полдень путники остановились въ зеленой дубравѣ, гдѣ было много травы для лошадей и вода близко — отличное мѣсто для отдыха. Соскочивъ съ лошади Смерда объявилъ, что здѣсь онъ намѣренъ отдыхать. Изнуренные всадники сѣли въ тѣни на травѣ и каждый вынималъ изъ сумы, чѣмъ запаса на дорогу. Самборъ вынулъ бѣлый калачъ, данный ему Ягою, осмотрѣлъ его и снова спряталъ въ сумку — онъ скорѣе готовъ былъ вытерпѣть голодъ, чѣмъ лишиться этого калача: это былъ свой, домашній калачъ!

Солнце не уставало ни на минуту бросать цѣлые снопы лучей; стояла изнуряющая жара; ни малѣйшаго вѣтерка, который могъ бы ослабить дѣйствіе жары. Кругомъ—куда ни глянь—лѣсъ, болото, заросшее камышомъ, и снова густой, непроходимый лѣсъ. Рѣдко, рѣдко гдѣ попадалось маленькое озеро, точно любопытный глазъ, озирающій окружающіе лѣса. Камышъ точно

рѣсницы окружалъ этотъ глазъ природы, лѣсъ точно брови длинною лентою обхватывалъ его. Всѣ птицы притихли, одни кузнечики да шмели шевелились въ травѣ; воздухъ располагалъ ко сну. Смерда дремалъ; Хенго смотрѣлъ волкомъ и, казалось, занятъ былъ какими-то разсчетами; Самборъ, давъ полную свободу своимъ думамъ, забылъ обо всемъ окружающемъ... Вдали послышался человѣческій голосъ. Самборъ началъ искать глазами того, кто нарушилъ этотъ сонъ природы и людей. Кромѣ зелени ничего не было видно вокругъ. До Самбора однакожь, долетали звуки какой-то печальной пѣсни. Съ каждою минутою они становились громче.

Всѣ съ любопытствомъ начали высматривать пѣвца. Голосъ раздавался какъ будто бы изъ самой рѣки. По берегу шелъ слѣпой старикъ; мальчикъ велъ его за руку. Старикъ шелъ тихо; въ рукахъ у него были гусли. Пѣвецъ дрожащими пальцами игралъ на нихъ и тихо пѣлъ какую-то заунывную пѣсню. Смерда, проснувшись, увидѣлъ старика и призвалъ его къ себѣ.

— Эй, старикъ, иди-ка къ намъ, крикнулъ онъ.

Гусляръ остановился, поднялъ голову и бѣлыми глазами, окруженными красными каймами, старался угадать кто его призываетъ.

— Приди сюда, старикъ, отдохнешь, повторилъ Смерда. — Поѣдемъ вмѣстѣ, а потомъ послушаемъ твоей пѣсни.

Пѣвецъ ударилъ пальцами объ струны, но пѣть пересталъ. Онъ долго думалъ, наклонивъ голову, наконецъ далъ знакъ рукою мальчику, чтобы тотъ велъ его на гору и они приблизились къ отдыхающимъ.

— Куда идешь? спросилъ Смерда.

— А развѣ я знаю? по бѣлу свѣту, все впередъ, отвѣчалъ старикъ; — съ пѣснями отъ одной хижинны къ другой.

Отвѣчая Смердѣ, гусляръ сѣлъ на землю. Онъ положилъ гусли на колѣни и замечтался. Старикъ молчалъ. Вдругъ, какъ будто бы пѣсня была его собственною жизнью, онъ тихо, едва слышно, началъ пѣть про себя.

Всѣ молчали. Одинъ изъ парней вынулъ изъ сумки лепешку и положилъ ее на руки пѣвцу. Старикъ началъ грызть сухую лепешку. Провожавшій мальчикъ отправился къ рѣкѣ за водою. Самборъ сѣлъ рядомъ съ пѣвцомъ.

— Старый Слованъ, обратился онъ къ старику, — ночевать зайди въ Вишеву хижину: тамъ тебѣ будутъ рады.

— На ночь? Въ Вишеву хижину? Не на моихъ ногахъ, отвѣчалъ слѣпой старикъ: — ноги мои стары и изношены. Тихо теперь хожу, какъ улитка передвигаюсь. Пройду немного, а ноги требуютъ присѣсть. Къ Вишу, къ старому, далеко, очень далеко...

— Но все-таки зайди къ нему, говорилъ Самборъ, — а когда остановишься у воротъ, передай имъ всѣмъ поклонъ того, который сегодня простился съ ними.

— Ты изъ Вишевой хижинны? спросилъ старикъ; — а кто съ тобою; сколько ихъ? Я знаю тутъ сидятъ люди; хотя глаза не видятъ, все-таки знаю.

— Княжескіе слуги, отвѣчалъ Смерда, — ѣдемъ въ городъ, къ княжему Столбу. Вотъ и онъ съ нами. А ты былъ въ городѣ?

— Прежде хаживалъ, сказалъ старикъ, — а теперь не зачѣмъ туда ходить. Тамъ теперь поютъ мечи, играетъ желѣзо. Имъ не до пѣсней теперь да и некогда имъ слушать старика.

Старикъ тяжело вздохнулъ.

— А зачѣмъ князю пѣсни? смѣялся Смерда. — Это бабье дѣло!

— А война... война, какъ бы про себя замѣтилъ Слованъ, — война дѣло дикихъ звѣрей. Пока чужой духъ не поселился среди полянъ, отцы ихъ пахали и пѣли и мирно хвалили своихъ боговъ, оружія не знали, развѣ что на звѣрей...

Смерда захохоталъ.

— Э-э, замѣтилъ онъ, — прошли ужъ тѣ времена, другія настали!

— Не тѣ святія времена, какія были прежде, сказалъ Слованъ, — не тѣ времена, когда гуслей было у насъ больше, чѣмъ желѣза, а пѣсней больше, чѣмъ слезъ. Нынче слѣпой гуслирь поетъ лѣсамъ и лугамъ, никто его не слушаетъ. Пусть знаютъ лѣса, какъ живали тѣ, которые лежатъ ужъ въ могилахъ... А когда умрутъ послѣдніе старики, они пѣсню возьмутъ съ собою въ могилу; сыновья не будутъ знать какъ жили ихъ отцы, замолкнутъ могилы. Старый міръ погрузится во тьму.

Гуслирь говорилъ медленно и тихо, пѣвчимъ голосомъ; онъ и не замѣтилъ, какъ началъ пѣть. Старикъ бросилъ хлѣбъ и пальцы его забѣгали по струнамъ; струны жаловались и плакали.

— Я, быть можетъ, послѣдній пѣвецъ, продолжалъ Слованъ; — для того у меня пропали глаза, когда я былъ молодъ, чтобы душа смотрѣла въ другой, лучшій міръ. Я прошелъ всѣ земли и ни одной не видѣлъ, отъ гудящаго Дуная до Вѣлаго моря, отъ вершинъ Хорватыхъ горъ до лѣсовъ на Лабѣ. Не глаза, ноги носили меня по дорогамъ; я былъ вездѣ, гдѣ собиралась кучка людей, куда вела моя долюшка. Я всегда сидѣлъ на землѣ, а вокругъ меня становились люди, женщины били въ ладоши, старики плакали, слыша про своихъ отцовъ. Я ходилъ отъ одного урочища въ другому, отъ одной могилы къ другой, отъ одного источника къ такому же другому, далеко, далеко до тѣхъ мѣстъ, гдѣ кончается человѣческая рѣчь.

Старикъ умолкъ. Смерда, слушая и дремля на половину, когда старикъ пересталъ пѣть, сказалъ:

— Ну, пой дальше пѣвецъ.

— О чемъ же вамъ пѣть? какъ бы про себя говорилъ Слованъ. — Вамъ не моя нужна, а другая пѣснь, старой пѣсни вамъ не понять. О чемъ же пѣть? О прадѣдахъ, что на Дунаѣ жили, о тѣхъ ли, которые съ востока пришли, о братьяхъ, живущихъ по Лабѣ и Днѣпрѣ? Вы ихъ не знаете; о бѣлыхъ и черныхъ богахъ, о Вишну и Самовилѣ?

Старикъ пѣлъ все тише, голова его опускалась все ниже.

— Прежде иначе бывало, иначе люди жили! Пѣвца встрѣчали всѣ, и младъ, и старъ, старшіе вели его подъ тѣнь священнаго дуба, или на бе-

регъ священнаго ручья, на вѣчевое городище, да на могилы предковъ. Старики и молодые окружали его большимъ кругомъ, слушали; медъ и пиво ставили передъ слѣпцомъ, вѣнки клали на его голову. Въ городѣ князь сажалъ его на покрытой скамьѣ, на почетномъ мѣстѣ; а нынѣ поешь пастухамъ въ полѣ, голодъ да вода въ награду!

— Пой, старикъ, пой еще, говорилъ Смерда.

— Пой еще! повторили за нимъ другіе.

Слованъ ударилъ по струнамъ.

— Эй, эй! послушайте старой пѣсни изъ страны, гдѣ Дунай течетъ!

Кругомъ воцарилась тишина и старикъ запѣлъ слабымъ, дрожащимъ голосомъ:

— Изъ за семи рѣкъ, изъ за семи горъ летитъ къ вамъ эта пѣснь; родилась она на берегахъ Дуная. Дунайскій король дрожитъ, боится; съ тысячнымъ народомъ Читай идетъ. Дома земли ему мало; пашни деревнѣ не хватаетъ, скотинѣ корму, и молится онъ богу Вишну: народъ гибнетъ, дай мнѣ земли, больше земли. Богъ сжалился надъ народомъ, и сказалъ: иди туда за Дунай съ народомъ, тамъ есть пустыни, пустыни широкія. А ты, король на Дунаѣ, не смѣй ему сопротивляться. И король ломаетъ руки въ отчаяніи! Читай займетъ мою землю, Читай землю мою завоюетъ! Миромъ или войною встрѣтитъ его? дать ли ему сильный отпоръ? Призываетъ онъ молодую дѣвку: дѣвка, дѣвка, дай мнѣ совѣтъ... Камяна и совѣтуетъ: король, поставь войско на Дунаѣ. Онъ не сможетъ покорить твоего народа. Идетъ Читай, толпа за нимъ; а гдѣ пройдетъ—въ плѣну народъ; онъ велитъ ему идти впередъ, ведетъ его, съ собой ведетъ. Дѣвки плачутъ и охаютъ, а онъ имъ говоритъ: Оботрите свои слезы, веду васъ въ зеленныя страны, гдѣ живутъ дикіе люди, пахать пашни не умѣютъ. Будемъ ихъ учить и княжить надъ ними. Дѣвки осушили слезы; идутъ за Читаемъ... Бѣлый Дунай стоитъ на пути... вода въ немъ точно стѣна вспучилась, горою стоитъ... Лдины на немъ растаяли... Король Дуная стоитъ на берегу... войско сторожитъ берега. Войско большое—какъ же тутъ быть? Какъ перейти бѣлыя воды, какъ поборотъ силу войска? Думалъ Читай, долго думалъ... Вдругъ закричалъ онъ народу: На колѣни! молитесь! Молитесь богу Колядѣ, Самовилѣ, что вѣтрами управляетъ. Пусть подуеъ всею силой, пусть ледъ стаетъ на Дунаѣ. Тогда пройдемъ сухой стопою. Пали ницъ передъ Колядой и молятся Самовилѣ. Пришли вѣтры, льдомъ покрыли Дунай, широкую рѣку, идутъ войска по Дунаю. Король послушался совѣта, совѣта дѣвки Камяны. Собралъ войско, стоитъ въ полѣ и обозомъ у Дуная. Самовила дуетъ вѣтромъ, морозомъ несетъ на Дунай, а жаромъ бросаетъ на войско. Прошли черезъ Дунай; а то мѣсто, гдѣ стояло войско, отъ костей все побѣлѣло... Камяна глядитъ и плачетъ... Читай занимаетъ поле, идутъ плуги по всей землѣ, скотъ реветъ, дома строятъ, людей учатъ сѣять зерна. О, Камяна, ничтоженъ твой совѣтъ! Быть волѣ боговъ, не твоей! И Камяна, вся блѣдная, бросилась въ бѣлый Дунай! Объ этомъ людямъ пѣсня поется. Да дастъ вамъ богъ здоровья, а пѣсня при мнѣ останется.

Пѣвецъ кончилъ... Всѣ молчали.

— Еще другую, спой намъ еще, просилъ Смерда, — не жалѣй своихъ пѣсень, старикъ!

Слѣпецъ снова ударилъ по струнамъ.

— Эта пѣсня будетъ длиннѣе, она родилась у Хорватскихъ горъ, ска- залъ онъ, — она моложе той, да и понравится вамъ больше.

Струны забренчали на другой ладъ, болѣе веселый, и слова пѣсни ли- лись рѣзвѣе, а глаза старика блестѣли, какъ молнія.

— Висла, матушка бѣлая, отъ чего воды твои помутилися? А какъ же имъ не мутиться, если въ нихъ все падаютъ слезы? Народъ на берегу горюетъ, плачетъ и зоветъ на помощь, а помощи нѣтъ, какъ нѣтъ... Драконъ засѣлъ подъ горою въ пещерѣ; что завидитъ все пожираетъ, что словить все гло- таетъ. Когда онъ съ голода бѣсится и реветъ — гора дрожитъ отъ этого рева. Когда онъ сытъ и отдыхаетъ, воздухъ гнилью заражаетъ... И день и ночь не даетъ покоя, поля опустѣли, народъ убѣгаетъ, звѣри прячутся по лѣсамъ. Ско- тину онъ истребилъ, сколько людей проглотилъ, а все ему еще мало, все реветъ онъ, все трясетъ горою... А чѣмъ его уничтожить, чѣмъ убить змѣя-дра- кона? Мечъ не пробьетъ его кожи, палка не расколотитъ черепа, руки не задушатъ его; громъ его не убиваетъ, въ водѣ онъ не утонетъ, а земля не накроетъ лютаго звѣря. Кракъ во градѣ сидитъ печально, думаетъ, бороду щиплетъ, опустил головушку на руки и смотритъ въ землю. Что мнѣ дѣ- лать съ этимъ звѣремъ, какъ уничтожить это чудовище? Семь разъ мѣсяцъ ужъ выросталъ, семь разъ ужъ онъ растаивалъ; Кракъ велитъ призвать Скубу. Скуба, сказалъ онъ, сдѣлай, что я тебѣ прикажу: убей вола, овцу убей, а внутренности брось въ воду, возьми смолы горячей, сѣры возьми горючей, да углей возьми красненькихъ. Наполни вола и овцу смолою, сѣрой и углемъ, подбрось ихъ подъ змѣиную пещеру, когда драконъ зареветъ съ голоду. Пусть онъ пожретъ этотъ огонь, пусть огонь зажгетъ въ немъ нутро, пусть лопнетъ дикій звѣрь. Скуба ушелъ и сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему умный Кракъ. Убилъ вола, убилъ овцу, наполнилъ ихъ углемъ, смолой, много сѣры положилъ и подбросилъ подъ пещеру. Когда драконъ началъ реветъ, и пасть свою, пасть голодную, открылъ, тогда Скуба бросилъ ему вола и овцу... Вотъ тебѣ кормъ, змѣй-драконъ. Страшная пасть проглотила, заревѣла. Дрожитъ гора, дрожитъ городъ... и всѣ столбы задрожали... Въ драконѣ горитъ вну- тренность... огонь пожираетъ змѣя. Выходитъ змѣй изъ пещеры бѣжить къ Вислѣ, пьетъ воду... Пьетъ, пьетъ ее, животъ его растетъ, растетъ... Змѣй ревелъ, ревелъ ужасно и, ревя, лопнулъ и здохнулъ... Кракъ идетъ съ ме- чемъ изъ града, змѣю голову отрубилъ, кладетъ ее на палку и поднимаетъ высоко. Смотри же, народъ мой милый, твои муки кончились. Птицы разно- сятъ веселую вѣсть, вѣтры бѣгутъ съ нею по полямъ... Пусть пахарь съ плугомъ выходитъ, пусть пастухъ выгоняетъ скотъ, пусть играютъ дѣти въ полѣ — нѣтъ уже змѣя, нѣтъ его. Надъ змѣиною пещерой вырастаетъ градъ каменный, въ немъ Кракъ царствуетъ спокойно; на всѣ четыре стороны онъ завоевалъ народы. А борода у него растетъ, борода сѣдая, и грудь ему за-

крываешь и до колѣнъ доходить. А когда она дойдетъ до земли Кракъ знаетъ, что наступить пора ему умереть. Ни печаль, ни веселье Краку отъ этого знанія; у него есть ужъ два сына и дочь есть—дочка Ванда. Борода доросла до самой земли. «Вотъ насталь урочный мой часъ; дѣлите царство на двое. Сестрѣ дайте царское вѣно и живите мирно, дружно. Плачь, народъ, о своемъ царѣ». Народъ плакалъ, горько плакалъ и понесъ тѣло царя на гору, на Лясоту; посадилъ его на кострѣ, тризну справляетъ. Собрали остатки Крака, каждый взялъ часть земли, шли они и сыпали землю до тѣхъ поръ, пока выросла высокая могила.

«Братъя дѣлятъ землю отца, и царствуютъ оба: Кракъ и Лехъ. Кракъ имѣетъ половину и половина у Леха. Лехъ съ боязнью смотритъ на брата— «старшій уничтожить меня». «Ѣдемъ, братъ, вмѣстѣ въ лѣсъ на охоту, на дикаго звѣря поѣдемъ вмѣстѣ... тамъ олени и медвѣди». На лошадь сѣли братъя; сестра на стѣнѣ городской стоитъ и умоляетъ: «не ходите въ лѣсъ сегодня—вороны зловѣще каркали и я видѣла во снѣ страшныя дѣла... Возьмите челядь съ собою,—звѣри дики, а лѣсъ черный». А Кракъ смѣялся ей въ отвѣтъ: «звѣрь и лѣсъ не страшны намъ». Вѣхали они въ темный лѣсъ; младшій старшему сказалъ: «здѣсь тебѣ, братъ, умирать,—я одинъ хочу царемъ быть». Лехъ сказалъ это и бросилъ тяжелый молотъ въ голову Крака; кровь красная потекла и Кракъ упалъ на земь. «Что мнѣ дѣлать съ тѣломъ брата? Изъ земли волки выроютъ, а трупъ распознають люди»... Мечемъ рубить Лехъ брата, рубить на мелкія части и кладетъ ихъ у дороги... Насыпалъ бѣлый песокъ, ногами притопталъ землю. Мѣсяцъ и звѣзды глядѣли, только темный лѣсъ ихъ видѣлъ; мѣсяцъ и звѣзды молчали, а лѣсныхъ голосовъ никто не слышалъ.

«Возвратился Лехъ въ свой городъ; и плачетъ онъ и рыдаетъ, разорвалъ свою одежду, и руки ломаетъ. «Ахъ, бѣда, бѣда большая: дикій звѣрь загрызъ брата, убилъ брата въ темномъ лѣсу. А вотъ кровь на моей одеждѣ, защищалъ я его, но не могъ спасти». Лехъ овладѣлъ всей землею и княжить теперь одинъ нераздѣльно. У дороги, гдѣ тѣло бѣлымъ пескомъ засыпано, выросли бѣлыя лиліи, цвѣтутъ и вѣтрамъ рассказываютъ: «Здѣсь могила Крака, рука брата его убила». Люди, идущіе дорогою, слышатъ странный голосъ въ лѣсу: вѣтеръ вырылъ тѣло Крака. Несутъ тѣло люди во градъ. Старшіе идутъ къ Леху: «пускай тотъ, кто убилъ брата, идетъ, куда глаза глядятъ, на край свѣта». Ванда осталась одна, она общала богамъ служить имъ всю жизнь свою. Пусть она будетъ царицею. «Какъ же мнѣ быть вамъ царицей, когда я богамъ пожертвовала собою, я богамъ общала, что мужа у меня не будетъ?... «Ванда царица моря, Ванда царица земли, Ванда царица воздуха», поетъ народъ и говоритъ: «Дочь Крака наша царица!»

«На границѣ, на рубежѣ сидитъ нѣмецъ, какъ лисица въ ямѣ... Вѣсть прибѣжала къ нему: дѣвка царитъ въ ляхскомъ градѣ; вѣнецъ у нея не корона, не мечъ у нея въ рукѣ, а пража, мужа не хочетъ, властелина знать не знаетъ! Ритгаръ собираетъ войновъ; стоитъ онъ на краю земли, гдѣ царитъ дѣвица. Войною идетъ на безоружныхъ. Ритгаръ выслалъ своихъ по-

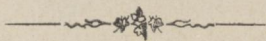
словъ: «хочу быть твоимъ мужемъ, Ванда, или пройду твои земли огнемъ и мечемъ; все сгоритъ, все погибнетъ». По полямъ ужъ идетъ войско, блещитъ лѣсъ мечей, свѣтятъ щиты. Пришли послы, Ванда и говоритъ имъ: «я отдалась въ жертву богамъ, не будетъ у меня мужа. Хотите сражаться? Я выставлю войско, пусть кровавый бой рѣшитъ насъ». Ушли послы, идутъ войска: всѣ горы, поля заняли. Ванда съ мечомъ въ рукѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, ѣдетъ во главѣ, свѣтитъ лицомъ. Смотри жъ нѣмецъ, считай свои силы. Ритгаръ смотритъ: войско его разбѣжалось въ лѣсъ, въ горы, одинъ Ритгаръ остался. Клянеть онъ судьбу и боговъ, вынимаетъ мечъ изъ ноженъ и пронзилъ свою грудь. «Царствуй, Ванда, будь счастлива...» Возвращается царица и во градъ свой народъ созываетъ. Вышла съ вѣнкомъ на головѣ, въ бѣлой, чистенькой одеждѣ, бѣлый цвѣтокъ держитъ въ рукѣ. «Здоровья вамъ и всѣхъ благъ вамъ, народъ мой, честные отцы. Пришелъ мой часъ, я жизнь свою сразу богамъ хочу отдать — лучше чѣмъ изъ-за меня должны погибнуть тѣ, которые землю хотятъ взять у васъ, чтобы царить въ ней. Ведите меня къ берегу Вислы, къ самой глубинѣ». И бросилась Ванда въ Вислу... Народъ плачетъ: нѣтъ царицы; собирается онъ у тѣла и носить землю на могилу, и объ ней пѣсни поетъ. Да дастъ вамъ богъ здоровье, а пѣсня при мнѣ остается.

Хенго слушалъ внимательно. Когда старикъ пѣлъ о Ритгарѣ, Хенго началъ такъ сильно дышать и сопѣть, что Слованъ это замѣтилъ. Едва окончивъ пѣсню, онъ привсталъ.

— Что же, старикъ, уходишь? спросилъ Смерда.

— Здѣсь чужой, отвѣчалъ Слованъ дрожащимъ голосомъ, — я пѣлъ чужому... я медъ лилъ въ грязную лужу!!

Онъ, ворча, поднялся и, палкою указывая дорогу своему провожатому, не прощаясь ни съ кѣмъ, ушелъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Хенго. Никто не посмѣлъ задерживать пѣвца. Онъ нѣсколько разъ обернулся въ сторону Хенго и спѣшно удалился, прижимая рукою струны, чтобы онѣ не издали звука, и крѣпко стиснувъ губы, чтобы уста его не издали голоса.

Глава V.

мерда и его товарищи сейчас же бросились къ лошадямъ—давно ужъ было пора отправляться въ путь. Сейчас же пришлось имъ перейти въ бродъ рѣку. Самборъ сѣлъ на одну лошадь съ Гердою. На противоположномъ берегу виднѣлось небольшое поле, засѣянное хлѣбомъ и обнесенное заборчикомъ, но медвѣди ночью хозяйничали въ немъ и оставили свои слѣды. Лѣсъ былъ жиденькій, обгорѣлые пни виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ. У самой опушки вооруженный человекъ присматривалъ за лошадьми, бѣгающими по полю; за кушакомъ у него воткнуть былъ рогъ, а въ рукѣ онъ держалъ насаженную камнями палку. Всадникамъ снова пришлось переѣхать черезъ небольшой лѣсъ, и только теперь Смерда вздохнулъ свободно; сейчасъ у лѣса начиналась большая поляна, а за нею виднѣлись воды громаднаго озера, въ которомъ, точно въ зеркалѣ, отражалось заходящее солнце. Надъ озеромъ птицы летали цѣлыми стаями, у береговъ стояли большія лодки; нѣсколько, лодокъ плыли по озеру. Хенго и Самборъ, поднявъ глаза, увидѣли вдали высокую, сѣроватую башню: городской столбъ, высоко подымающій свою голову. Онъ стоялъ у самаго берега, мрачный и угрюмый, а у его подножія тѣснились срубы, хижины, сараи и много другихъ построекъ.

— Вотъ княжій городъ! воскликнулъ Смерда съ гордостью, обращаясь къ нѣмцу и указывая ему столбъ вдали. — Успѣемъ пріѣхать, пока еще не лягутъ спать.

Товарищи Смерды весело кивнули головой, Самборъ угрюмо смотрѣлъ впередъ. Всадники прибавили шагъ. Самборъ принужденъ былъ бѣжать, не желая отстать отъ нихъ. Нѣмецъ изъ подлобья оглядывался по сторонамъ. По мѣрѣ того, какъ всадники приближались къ озеру, очертанія города ста-

Она съ любопытствомъ слѣдила за каждымъ движеніемъ Хенго, который поклонился ей до самой земли (стр. 54).

новились яснѣе. Башня изъ сѣраго камня выростала почти на ихъ глазахъ; у ея подножія теперь можно было легко различить красиво разрисованный большой домъ, хижинны, разныя строенія и сараи, частью окруженные высокими насыпями. Къ стѣнамъ столба плотно прилегали большія деревянныя строенія, покрытыя тесомъ, черезъ скважины котораго дымъ выходилъ наружу. Около этихъ строеній и на поляхъ виднѣлись толпы людей и стада лошадей. На берегу озера батраки поили скотину. По насыпямъ въ разныхъ направленіяхъ прохаживались вооруженные воины; головы ихъ были покрыты желѣзными шлемами, имѣвшими форму небольшихъ лодокъ, въ рукахъ они держали длинныя копья.

Высокая насыпь и рядомъ съ нею глубокій ровъ отдѣляли городъ отъ твердой земли, откуда въ городъ можно было пробраться черезъ мостъ или водою на паромѣ. Долго еще скакали наши всадники, пока успѣли пробраться къ небольшимъ и узкимъ городскимъ воротамъ. Часовой узналъ Смерду и отворилъ ворота; когда стоявшіе у воротъ люди замѣтили Хенго, ѣдущаго сейчасъ за Смердою, они окружили его со всѣхъ сторонъ и задали ему множество вопросовъ.

Нѣмецъ и теперь имѣлъ спокойный видъ; онъ соскочилъ съ лошади и слѣдовалъ за Смердою, держа поводья въ рукахъ. Пройдя черезъ мостъ они очутились на большомъ дворѣ, на одномъ концѣ котораго возвышалась видѣнная ими издали каменная башня, неимѣвшая внизу ни дверей, ни оконъ: въ нее можно было войти только по лѣстницамъ. Рядомъ съ нею расположены были княжескія избы и хижинны; длинное крыльцо, опиравшееся на высокіе столбы, позволяло и во время ненастной погоды сидѣть на воздухѣ. По срединѣ княжескаго дома, стѣны и столбы котораго были выкрашены въ бѣлый, желтый и красный цвѣта, на нѣсколькихъ столбахъ возвышалось крыльцо довольно обширное и украшенное рѣзными, деревянными, причудливыми рисунками. На крыльцѣ, вокругъ стѣнъ его, стояли скамьи, откуда, не трогаясь съ мѣста, можно было видѣть всю окрестность, дворъ, всѣ строенія, озеро и ворота.

Въ ту минуту, когда Смерда, съ сопровождавшими его, входилъ во дворъ, на которомъ суетились княжескіе слуги и работники, у самаго входа, въ преддверіи, стоялъ мужчина высокаго роста, съ краснымъ лицомъ, рѣдкою бородкою, черными длинными волосами и такими же глазами, бросающими дикіе взгляды. По всему было видно, что онъ присматриваетъ за слугами. По одеждѣ легко было узнать, что онъ здѣсь господинъ. Голова его была покрыта лисьей шапкой, украшенной бѣлымъ перомъ; платье, имѣющее форму болѣе или менѣе сходную съ платьями всѣхъ слугъ его, было усѣяно украшеніями изъ бѣлаго и желтаго метала; поясъ на немъ блестѣлъ отъ металлическихъ колецъ и кружковъ; кожаные башмаки были перевязаны красными бумажными шнурками. Мечъ за поясомъ и блестящій ножъ на металлической цѣпочкѣ, прикрѣпленной къ кушаку, составляли его вооруженіе. Смерда замѣтилъ его издали и принялъ самый покорный видъ. Князь, наморщивъ брови,

заложивъ руки за кушакъ, смотрѣлъ волкомъ. Смерда снялъ шапку и, нагнувшись, приблизился къ своему властелину.

— Кого это словилъ ты дорогою? спросилъ князь охрипшимъ и грубымъ голосомъ.—Это чужой?

— Нѣмецъ, на Лабѣ живетъ, продавецъ, началъ Смерда униженнымъ голосомъ.—Ему не впервые приходится скитаться по нашимъ землямъ. Я его встрѣтилъ у кмета Виша, онъ гостилъ у него; а кто знаетъ съ какою цѣлью зашелъ онъ къ Вишу? Я и велѣлъ ему ѣхать съ нами. Но, долженъ я сказать, онъ не сопротивлялся, даже увѣрилъ меня, что его выслали къ вашей милости и хочетъ вамъ поклониться.

Князь, молча, посмотрѣлъ на своего слугу, не дерзнувшего еще поднять головы, затѣмъ на Хенго, стоявшаго немного позади. Князь долго еще молчалъ, наконецъ, процѣдилъ сквозь зубы, равнодушно:

— Пусть онъ остается на рукахъ у тебя; сегодня у меня гости; времени мало; накормить его и напоить, голоднымъ не держать... завтра поутру приведешь его ко мнѣ.

Смерда поклонился до земли.

— Отъ кмета Виша взялъ я одного парня; здоровъ онъ и силенъ, способенъ носить мечъ и копье. Людей у насъ мало теперь, ваша милость. Старый змѣй шипѣлъ, но все-таки долженъ былъ дать.

— Они всѣ шипятъ, сказалъ князь,—и будутъ шипѣть, пока я не зажму имъ ртовъ и не научу молчать и слушаться. Знаю я ихъ; у нихъ въ мисляхъ все прежняя волчья свобода. Слѣпцы поютъ о ней и людей бунтуютъ. Спутать нужно эту дичь, да покрѣпче.

Смерда не посмѣлъ отвѣтить. Онъ стоялъ съ поникшею головою и опущенными руками.

— Вишь! Вишь! говорилъ князь, прохаживаясь взадъ и впередъ и не обращая вниманія на окружающихъ;—и его я знаю, ему кажется, что онъ тамъ, въ лѣсу, князь и господинъ, а меня онъ знать не хочетъ.

— И богатъ онъ, осмѣлился вставить свое слово Смерда,—чего, чего только у него нѣтъ, всего вдоволь! Людей тьма; стада, пиво, медъ, все есть у него. А кто его знаетъ: можетъ и металлъ, золото и серебро, припрятать! И у нихъ у всѣхъ ваша милость...

— До поры, до времени! крикнулъ князь и присѣлъ на скамью.

Смерда ушелъ. Хенго дожидался приказаній, не отходя отъ своей сумы, на которую взгляды многихъ обращались съ любопытствомъ.

— Его милость только завтра допустить тебя къ себѣ, обратился Смерда къ нѣмцу;—у тебя есть время отдохнуть и приготовиться. Приказалъ не морить тебя голодомъ; у насъ съ голоду еще никто не умеръ, развѣ въ темницѣ подъ башнею, добавилъ онъ съ улыбкою. — Сегодня, сказалъ онъ на ухо нѣмцу,—его милость не въ духѣ, хмурится что-то... и глаза зло смотрятъ; лучше, что онъ завтра будетъ говорить съ тобою.—Смерда еще ближе нагнулся къ Хенго.—Неудивительно, что сердится; вчера, говорятъ, привели племянника, который ушелъ отъ него и затѣивалъ что-то недоброе съ кметами... По-

садили птичку въ темницу, да притомъ вынули оба глаза, чтобъ никогда болѣе не могъ вредить. Все же своя кровь.. Лешекъ..

Смерда махнулъ рукою.

— Двоихъ изъ его людей повѣсили. Жаль! славные парни и воины, здоровые молодцы, а все же опасные волки.

Желалъ ли Смерда снискать расположеніе Хенго, или просто хотѣлось ему болтать, но онъ продолжалъ дальше, не дожидаясь отвѣта:

— Не легко княжить здѣсь, не легко, народъ лютой. Съ кметами все споры и споры, но князь по немножку истребитъ гордецовъ. Кормить онъ ихъ, поить, тянетъ за языкъ, а кончается...

Смерда захохоталъ дико, странно и посмотрѣлъ въ сторону княжескаго дома.

У Хенго было довольно времени для того, чтобы осмотрѣть окружающіе его дома и людей, проходящихъ по двору. Не мало уже приходилось видѣть нѣмцу на своемъ вѣку; этому обстоятельству слѣдуетъ приписать то, что здѣсь его ничто не удивляло, а еще менѣе пугало, хотя со всѣхъ сторонъ его окружали люди, готовые броситься на «чужого». Проходящіе мимо него княжескіе слуги разсматривали его внимательно съ ногъ до головы и, указывая на него пальцами, повторяли: «нѣмой, нѣмой!» Хенго дѣлалъ видъ, что не обращаетъ на это никакого вниманія!

Хенго простоялъ уже довольно долго, ожидая приказаній, когда къ нему подошелъ мальчуганъ, очень прилично одѣтый, съ длинными, падающими ему на плечи волосами, и, кивнувъ ему головою, пригласилъ нѣмца слѣдовать за собою. Хенго отдалъ лошадей Гердѣ, а самъ отправился вслѣдъ за пригласившимъ его мальчуганомъ. Черезъ большія ворота, у самаго княжескаго дома, мальчикъ и Хенго прошли на другой дворъ. Здѣсь все имѣло иной, и притомъ не такой воинственный, видъ. Крыльца, раскрашенныя свѣтлыми красками, обращены были къ солнечной сторонѣ, на веревкахъ висѣло сохнувшее бѣлье и женскія платья. Нѣсколько старыхъ деревьевъ, стоя посерединѣ двора, задумчиво смотрѣли на окружающіе ихъ дома, около которыхъ проходили и работали женщины; тутъ же въ песокъ сидѣло нѣсколько играющихъ дѣтей.

Мальчуганъ, провожавшій Хенго, указывая пальцемъ на свой ротъ въ знакъ молчанія, медленно велъ нѣмца къ боковымъ дверимъ. Отворивъ двери, они вошли въ большую свѣтлицу, окошко которой пропускало такъ много свѣта, что все въ ней смотрѣло какъ-то весело. Видъ на озеро еще болѣе украшалъ избу. Замѣтно было, что женская рука старательно ухаживала за всѣмъ въ этой избѣ. Въ комнатѣ стоялъ ароматическій запахъ отъ какого-то зелья, только что завядшаго; послѣдніе дневные лучи позволяли различать въ ней даже самые мелкіе предметы. На деревянной скамейкѣ, какъ разъ противъ очага, въ которомъ весело пылалъ огонь, сидѣла женщина въ шерстяномъ платьѣ, въ бѣломъ головномъ уборѣ, окружавшемъ голову и лицо, носившее слѣды замѣчательной красоты. Изъ всѣхъ ея прелестей остались одни только глаза, черные, какъ уголь, и блестящіе, какъ будто бы ихъ

обладательницѣ теперь было не больше двадцати лѣтъ. Около нея, на низенькой скамеечкѣ, стояли маленькіе горшечки, миски и кувшины, а подлѣ нихъ лежали пучки какихъ-то душистыхъ травъ.

Она съ любопытствомъ слѣдила за каждымъ движеніемъ Хенго, который поклонился ей до самой земли. Женщина, послѣ нѣкотораго молчанія, улыбнулась и обратилась къ нему на языкѣ тюрингенскихъ лѣсовъ, звуки котораго привели въ восторгъ все еще кланявшагося нѣмца.

— Ты откуда?

— Ваша милость, сказалъ нѣмецъ, оглядываясь по сторонамъ, — я живу надъ Лабою, по ту сторону, но я привыкъ скитаться по бѣлу свѣту, дома рѣдко сижу. Я нѣсколько говорю по-здѣшнему, вожу сюда товаръ и обмѣниваю на здѣшній.

Въ избѣ суетилось нѣсколько любопытныхъ женщинъ, прислушивавшихся къ странному говору.

— Мѣняешь? А что же даютъ тебѣ въ обмѣнъ? спросила женщина. — Что можно взять у этой голи и дикихъ людей? Золота и серебра, никакого металла у нихъ нѣтъ. Точно звѣри прячутся по лѣсамъ. Городовъ, даже сель нѣтъ, а люди...

Она вздохнула. Хенго осторожно вынулъ изъ кармана кольцо, украшенное дорогимъ камнемъ, и издали указалъ его женщинѣ. Увидѣвъ кольцо, она торопливо встала со скамьи, приказала всѣмъ женщинамъ и мальчугану оставить комнату и подошла къ нѣмцу. Хенго сталъ передъ нею на колѣни.

— Отецъ мой послалъ тебя? воскликнула женщина.

— И сыновья твои, милостивая княгиня, прибавилъ нѣмецъ, вставая.

— Сыновья!? повторила княгиня, радостно поднимая руки и обвивая ими голову. — Говори, говори же объ нихъ все, что знаешь... говори много, долго.

Она снова сѣла на скамейку, подпираясь рукою, и задумчиво глядѣла на огонь, у котораго сушились какія-то травы, наполняя воздухъ острымъ запахомъ.

— Старый отецъ, говорилъ нѣмецъ, — поздравляетъ вашу милость. Онъ далъ мнѣ этотъ перстень, чтобы ваша милость исполнила моимъ словамъ. Хенго приблизился къ княгинѣ и тише добавилъ:

— Къ намъ разныя вѣсти доходятъ... Отецъ вашей милости беспокоится... Онъ готовъ всегда придти къ милости вашей съ помощью, со своими людьми, еслибы вамъ угрожала малѣйшая опасность. Это самое онъ велѣлъ передать вашей милости.

Княгиня сдвинула брови; она махнула бѣлою рукою, какъ бы желая показать, что опасности не боится.

— Князь скажетъ тебѣ: нужна ли ему помощь моего отца, сказала она. — Мы справимся одни съ дядями, племянниками и толпою кметовъ. Для этого есть много средствъ.

Она невольно взглянула на каминъ и травы.

— Кметы давно уже шумятъ и многіе изъ нихъ погибли. Съ каждымъ

днемъ становится ихъ все меньше и меньше. Нечего бояться этихъ дикарей; да не только ихъ однихъ, мы никого не боимся: городъ сильный, людей много, а князь мой милостивый умѣетъ съ ними справляться... Говори мнѣ о дѣтяхъ. Обоихъ видѣлъ?

— Собственными моими глазами, сказалъ нѣмецъ:—красивѣ ихъ нѣтъ на свѣтѣ; такихъ воиновъ и всадниковъ, каковы они, не легко сыскать. Всѣ на нихъ любятъ и удивляются имъ.

Лицо женщины прояснилось.

— Они могли бы уже вернуться къ вашей милости, прибавилъ Хенго,—чтобы стать рядомъ съ ихъ милостью...

— Нѣтъ, нѣтъ! прервала его княгиня,—теперь не время, нужно еще подождать. Я не хочу, чтобы они видѣли то, что здѣсь должно произойти; я не хочу, чтобы они теперь, такъ рано, приняли участіе въ борьбѣ съ собственною кровью. Скоро у насъ настанетъ миръ, и тогда мы ихъ призовемъ. Я такъ давно ихъ не видѣла; взяли ихъ у меня и отправили къ дѣду, чтобы у нашихъ они обучались военному дѣлу. Столько лѣтъ, столько лѣтъ прошло съ той поры!—Ты обоихъ ихъ видѣлъ? еще разъ спросила княгиня.

— И не одинъ разъ, отвѣчалъ Хенго, — и не два! Князь Лехъ, хотя и старше брата нѣсколькими годами, а кажется его ровестникомъ. Оба и сильны и здоровы. Копье бросаютъ на удивленіе! Никто такъ не сѣмѣетъ... Стрѣляютъ изъ луковъ птицъ и звѣрей, а верхомъ готовы сѣсть на самыхъ свирѣпыхъ скакуновъ.

Глаза матери засверкали.

— А красивы они?

— Красивѣ ихъ никто не можетъ быть и нѣтъ никого! отвѣчалъ Хенго:—большого роста, свѣтлыя лица, синіе глаза, блѣлые волосы.

Улыбка скользнула по губамъ княгини, но одновременно двѣ жемчужныя слезы скатились по блѣднымъ щекамъ. Княгиня все тише и все чаще начала спрашивать Хенго, а онъ все обстоятельнѣе отвѣчалъ на ея вопросы.

Темно ужъ стало въ свѣтлицѣ, одинъ только свѣтъ огня очага освѣщалъ ее, а нѣмецъ все еще стоялъ передъ княгинею и не переставалъ отвѣчать на тысячи вопросовъ, которые она ему предлагала. Наконецъ, княгиня обратилась къ нему со словами: «до завтра!» и нѣмецъ вышелъ.

Самбора оставили на дворѣ. Онъ съ любопытствомъ осматривалъ все окружающее: ему первый разъ въ жизни приходилось видѣть городъ. Едва Самборъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ на встрѣчу ему попался Косъ, котораго Самборъ зналъ еще до его поступленія въ княжескую дружину. Косъ, взявъ Самбора за руку, провелъ его въ избу, гдѣ помѣщались княжескіе воины. Никого изъ нихъ не было теперь въ избѣ: одни стояли на часахъ на городской стѣнѣ или у моста, другіе прислуживали князю, а всѣ остальные съ оружіемъ въ рукахъ сидѣли въ боковой, прилегающей къ княжескому дому хижинѣ, не безъ цѣли конечно: у князя были въ гости кметы.

Кось глубоко ненавидѣлъ князя, которому волей-неволей долженъ былъ служить. Не только одинъ Кось ненавидѣлъ князя,—одинаковое чувство питали къ нему и другіе изъ его дружины, которыхъ онъ насильно заставилъ служить себѣ. Съ перваго же слова Самборъ и Кось поняли другъ друга.

— И тебя тоже посадили въ эту волчью яму? началъ Кось шопотомъ.

— Силою, не по доброй волѣ, отвѣчалъ Самборъ.

— А знаешь, какая здѣсь жизнь?

— Предчувствую, если и не знаю.

— Неволья! Неволья! вздохнулъ Кось.—Работаютъ нами какъ скотиною, а потѣшаются надъ нами хуже, чѣмъ надъ собаками. Княжескія собаки лучше насъ живутъ.

Товарищи начали плакаться на свою судьбу. Въ избѣ стало душно. Новые, но искренніе друзья вышли изъ избы и отправились на насыпь, находящуюся у самой башни. Кось указалъ Самбору на небольшое отверстіе въ стѣнѣ...

— Племянника вчера туда опустили, шепнулъ онъ на ухо Самбору,—и вынули ему оба глаза... Я самъ видѣлъ, [какъ его держали, а старый Эжега ножомъ вырѣзывалъ ему глаза. Кровь капала изъ глазъ точно слезы... онъ не кричалъ, не просилъ о пощадѣ: зналъ, бѣдняга, что не найдетъ ее здѣсь... Потомъ связали его шнуромъ и опустили въ темницу; а теперь даютъ ему хлѣбъ и воду, пока не околетъ... Говорятъ, что не ему одному, и другимъ то же готовятъ.

— Если съ роднымъ племянникомъ такъ поступили, что же они сдѣлаютъ съ нашими кметами? спросилъ Самборъ въ раздумьи.

Кось пожалъ плечами.

— То же или еще хуже, сказалъ онъ, — если во-время за умъ не возьмутся.

Изъ княжескаго дома долетали до нихъ звуки оживленнаго разговора, смѣхъ и крики.

— Вотъ князь веселится, говорилъ Кось:—у него всегда этимъ начинается, пока не дойдетъ до ссоры и до ножей. И сегодня врядъ ли иначе кончится. Онъ только ждетъ, чтобъ они опохмѣли: съ пьяными легче справиться. Онъ созываетъ въ городъ каждый разъ по нѣсколько кметовъ, принимаетъ всѣхъ ласково; а рѣдко кто цѣль выходитъ отсюда... Онъ понемножку да потихоньку истребитъ болѣе вліятельныхъ, остальные волей-неволей покорятся.

Кось смотрѣлъ въ глаза Самбору.

— Что же ваши-то?...

— Не знаю, отвѣчалъ осторожный новичекъ.—Они и рады бы что-нибудь дѣлать, но не могутъ; а можетъ быть, выжидаютъ...

— Бабы они, вотъ что! вскричалъ Кось.

— Княжескій столбъ не скорлупа—силенъ, оправдывалъ обвиненныхъ Самборъ.

— Сильный столбъ, правда, отвѣчалъ Кось,—но и камни можно раз-

рушить. А чѣмъ дольше простонѣтъ, тѣмъ крѣпче будетъ, потому что чело-
вѣческіе черепы лягутъ въ его основаніе...

— Дружина большая...

Косъ улыбнулся.

— А развѣ громады по селамъ малы? сказалъ онъ.—Быль бы только у нихъ умъ. У насъ здѣсь все по-нѣмецки. Княгиня родомъ нѣмка; много нѣмцевъ ты встрѣтишь здѣсь. Младшія жены и наложницы всѣ изъ-за Лабы. И обычаи у насъ тоже завелись залабскіе, потому что князь знатъ не хочетъ мірскихъ свободъ, слушать не хочетъ о вѣчевыхъ сборахъ. Дѣвки нѣмки толкуютъ, что слышали, какъ онъ говорилъ, что если самъ не справится, то нѣмцевъ приведетъ.

Косъ легъ на землю. Товарищи сидѣли въ небольшомъ разстояніи отъ окна темницы и услышали стонъ, какъ бы выходящій изъ-подъ земли.

— Чѣмъ онъ провинился? спросилъ Самборъ.

— Больше всего тѣмъ, что онъ та же кровь, что онъ племянникъ родной князя; а князь не хочетъ видѣть здѣсь своей крови, потому что бонится ея. Кто ихъ знаетъ? Говорятъ, будто стоваривался съ кметами, обѣщая имъ дать прежнюю свободу.

Наступило молчаніе. На дворѣ слышались хохотъ и говоръ; затѣмъ воцарилась мертвая тишина, а потомъ послышалась пѣсня, которую, казалось, кто-то пѣлъ шопотомъ. Въ противоположной сторонѣ собаки выли такъ жалостливо, точно предвѣщали несчастіе и, странно, каждый взрывъ хохота сопровождался вытьемъ собакъ. Мѣсяцъ спокойно плылъ по небу; красный цвѣтъ его напоминалъ собою свѣжую кровь. Сѣдая туча раздѣляла его на двѣ части. Какая-то печаль, что-то грозное носилось въ воздухѣ... Стаи вороновъ кружились въ поднебесьи.

Самборъ поднялъ голову.

— Э! это наши ежедневные гости, замѣтилъ Косъ, улыбаясь:—вѣрнѣе, наши товарищи; они никогда не оставляютъ башню. Всегда здѣсь наготовѣ; трупъ у насъ не диковинка; рѣдко, когда нѣтъ его. Теперь они безпокоятся, потому что наступила пора бросить имъ ѣду... Увидишь, сегодня они караютъ не понапрасну.

